

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЮЖЕТА

УДК 821.161.1 + 82.0

А. Е. Козлов

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

«АХШАРУМОВСКИЕ ВАРИАЦИИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛАЗАРЬ, ВЫЙДИ ВОН^{*}

Рассматриваются «имплицитные связи», объединяющие философский сюжет романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и сюжет аллегорического романа Н. Д. Ахшарумова «Граждане леса». Николай Ахшарумов – известный критик и беллетрист, представитель эстетического критицизма второй половины XIX века. Начав свой писательский путь с открытого подражания «Двойнику» Достоевского, он и в дальнейшем воспроизводил сюжетные схемы своего гениального современника. Кроме того, Ахшарумов посвятил «Преступлению и наказанию» критический очерк, опубликованный в новом журнале «Всемирный труд». Здесь же были опубликованы и «Граждане леса».

В статье приводятся несколько аргументов, подтверждающих полемическую связь двух произведений. Во-первых, местом действия аллегорического романа Ахшарумова является Сибирь (финальная точка отсчета в сюжете «Преступления и наказания»), во-вторых, главное действующее лицо – ссыльный (итоговый социальный статус героя в сюжете Достоевского), чья деятельность направлена на преобразование первозданного животного мира (что коррелирует с мыслями Раскольникова во второй части эпилога романа).

Отдельное внимание в статье уделено имени главного героя – Лазаря – как этимону. Это имя отражает два новозаветных сюжета: притчу о Лазаре-бедном (Лк. 16: 19-31) и притчу о Лазаре из Вифании (Иоан. 11: 1, 2, 5), к которой, в частности, неоднократно обращался Достоевский. Анализ функций героя в произведении позволяет прийти к выводу о том, что наряду с новозаветной метафорикой в сюжете актуализируется смысловой потенциал историй о трех ветхозаветных патриархах: Адаме, Ное и Моисее. Так, Лазарь создает новый язык, давая всему новое имя (Адам), Лазарь отбирает среди животных наиболее разумных, избранных (Ной), Лазарь дает им закон (Моисей). Следовательно, в новозавет-

---

^{*} Статья продолжает исследование имплицитных связей между мотивами, сюжетами и характерами прозы Николая Ахшарумова и поля классической русской литературы второй половины XIX века (см. также: *Козлов А. Е.* «Ахшарумовские вариации» в русской литературе: история войны 1812-го года // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 58–65).

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 150–160.

© А. Е. Козлов, 2017

ную притчу вторгаются ветхозаветные максимы. Вместо фейербаховского тезиса «Человек человеку бог» (*Homo homini deus est*) на первый план выходит проверенная временем сентенция, воплощающая логику развития цивилизации: «Человек человеку волк» (*Homo homini lupus est*).

Финал «Граждан леса» демонстрирует деградацию демократического общества. Ссылный Лазарь, изгнанный из большого мира, оказывается изгнанным и из Леса. По нашему мнению, это и демонстрирует некоторую альтернативу социальным и онтологическим идеям, проводимым в эпилоге романа Достоевского. Многочисленные попытки изменить социальное или создать новое оказываются обречены. Новый Иерусалим – утопия, которая недостижима.

В дополнение к статье приводятся разыскания, позволяющие увидеть корреляции между критической деятельностью Николая Ахшарумова в журнале «Всемирный труд» и его беллетристикой.

Ключевые слова: ахшарумовские вариации, фабула и сюжет, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, русская литература XIX века, Достоевский.

Черт бы побрал все эти утопии. Ведь они кажутся новы и хороши, покуда живут в голове, а как только дойдет до дела, так и сбываются на старую мерзость!

Н. Д. Ахшарумов. *Граждане леса*

В марте 1867 года в 3-м номере нового журнала «Всемирный труд» был опубликован критический разбор романа «Преступление и наказание». Автор критического очерка – Николай Ахшарумов – выражал, в частности, скептическую позицию в отношении эпилога романа и самой возможности воскресения Раскольникова. «Вернемся к Раскольникову, – писал критик, завершая свой обзор. – Человек этот кается; но и кается он так же, как согрешил, противоречиво и непоследовательно, какими-то трансами и припадками <...>. Каким образом совершился в нем окончательный перелом, и он перешел к возрождению, это было бы любопытно узнать, но на это в романе есть только одни намеки»¹. Пристально следивший за творчеством Достоевского еще до катастрофы 1849-го года, брат петрашевца Дмитрия Ахшарумова, осужденного на службу в херсонских арестантских ротах, Николай Ахшарумов предстает противником утопических идей, сравнивает Новый Иерусалим с идеалом социалистов и апеллирует к универсальной категории рационализма XIX века – *здравому смыслу*.

В следующем номере журнала Ахшарумов начал печатать свой аллегорический роман (или *сказку*, по определению автора) «Граждане леса» [1867]. Некоторые текстуальные совпадения с романом Достоевского, равно как и общее концептуальное построение *вещи* Ахшарумова, заслуживают пристального внимания, в то же время специальных работ, посвященных этому вопросу, нет. Тем не менее, и выбор места действия (Сибирь), и утверждение о новом порядке, отличающемся от существующих на земле, и эсхатологическая картина в эпилоге романа, и, наконец, имя главного героя (Лазарь), провоцируют к такого рода сближениям.

---

¹ Ахшарумов Н. Д. Преступление и наказание. Критика // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 154. См. об этой статье в контексте критической деятельности писателя: [Володина, Сумарокова, 2015].

На первый взгляд сюжет сказки Ахшарумова представляет собой вариацию на тему третьей и четвертой частей «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта или «Микромегаса» Ф. Вольтера (в русской литературе к ним наиболее близки «Дворянин-философ» Ф. Дмитриева-Мамонова и «Путешествие в землю Офирскую» М. Щербатова), однако герой здесь не только становится свидетелем реализации социального проекта, но и непосредственно участвует в его создании². Лазарь – бывший охотник и золотоискатель (и, как это следует из текста, ссыльный), овладевший животным языком по методу Робертсона³, создает в сибирском лесу некоторое подобие гражданского общества, имеющего свои *думу, управу, суд и армию*.

В то же время в основе «Граждан леса» реализуется хорошо разработанный западноевропейским фольклором и литературой сюжет о встрече короля и лисицы, нашедший отражение в поэмах и романах средневековья [Даркевич, 1992], наиболее известный по позднему переложению И. В. Гёте. Если главными героями «Рейнеке-Лиса» предстают глупый король Нобель и хитрый лис Рейнеке (Ренар), то в адаптации Ахшарумова их место занимают Лазарь и лис Елисеевич⁴, состязающиеся за право первенства в гражданском обществе. Олицетворяющие два альтернативных политических устройства – соответственно либерально-демократическое и деспотически-монархическое, эти герои в равной мере далеки от идеала рационального правления.

Как и большинство антиутопий, «Граждане леса» демонстрируют развитие социального проекта в нескольких фазах: 1) становление гражданского общества; 2) расцвет; 3) падение. Ахшарумов показывает, как гармония животного мира оказывается во власти одного человека и данного ему слова, как массовый инстинкт (инстинкты *выживания, размножения* и пр.), движимый воззваниями хитрого лиса, превалирует над потребностями каждой особи (*скота* или *твари*, как это следует из текста).

Изначально, надеясь утвердить новый порядок в животном мире, Лазарь руководствуется идеями Руссо о пагубности цивилизации: «Сущность его объяснения состояла в том, что дурное способно идти вперед, так же как и хорошее, если не больше его; – что люди глубоко испорчены; – что чем дальше они ушли на пути их развития, тем труднее их исправлять, и что теперь эта трудность дошла до огромных размеров, потому что они уже несколько лет шли по ложной дорожке.

---

² См. о литературной утопии: [Светлов, 1956; Кучеренко, 1975; Ланин, 1993; Ковтун, 1999; Русские утопии, 1995; Геллер, Нике, 2003; Егоров, 2007; Русский проект..., 2014].

³ Следует отметить, что в журнале «Всемирный труд» (далее – ВТ) одновременно были опубликованы статья М. Петри «Умственная жизнь животных» (ВТ, 1867, № 6), где, впрочем, убедительно доказывалась невозможность обучения животных человеческому языку, и статья самого Ахшарумова «Основные начала психологии Герберта Спенсера» (ВТ, 1867, № 10–11).

⁴ Выбор номинации в данном случае заставляет вспомнить упомянутого в романе «Отцы и дети» критика демократического издания: «Ах, какую удивительную статью по этому поводу написал Елисеич! Это гениальный господин!» (Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 7. С. 162). Знаменательно, что в 1866-м Г. З. Елисеич язвительно отозвался о «Преступлении и наказании», сравнив его с произведениями Н. Д. Ахшарумова: «Я говорю теперь, что “Натурщица” г. Ахшарумова несколько не ниже, а, напротив, выше романа г. Достоевского... Всё это чепуха и галиматья, но чепуха и галиматья не кровожадная, как у г. Достоевского, а добродушная, безобидная, веселая, игровая» (Русская литература. Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 43). Обычно не вступавший в литературную полемику писатель мог в данном случае отомстить своему оппоненту, сделав его антагонистом Лазаря. «Граждане леса» в этом контексте обретают еще и черты памфлета.

То, что они нашли и усвоили себе на этой дороге, – называется вообще, – цивилизация» [Ахшарумов, 1867, № 4, с. 36]⁵. Далее герой выступает как идеолог и теоретик, фактически приближающийся к жизнестроительству, своими действиями буквально претворяя в жизнь формулу одного из персонажей Достоевского: «ведь природу поправляют и направляют».

По мере развития сюжета, во многом предвосхищая Жюль Верна и Герберта Уэллса, Ахшарумов демонстрирует искусственность человеческих порядков, механически насаждаемых в животном обществе. Ни направление, ни тем более поправление природы не дают ожидаемого эффекта: «Все то, что ты навязал им, весь этот призрак устройства, порядка, законов, разумной связи, все это было и будет для них пустою формой, которую они сбросят при первом удобном случае и в один день вернутся к старому, дикому быту» [Ахшарумов, 1867, № 6, с. 52]⁶; «Кто нам присвоил право насильно ломать их простодушные верования, насильно навязывать им то, чего ни один между нами не понимает...» (№ 6, с. 53).

Возвращаясь к конфликту, осмысленному еще в эстетике и философии эпохи Просвещения, Ахшарумов демонстрирует консервативность животного мира, в котором желающий навести порядок Лазарь предстает своеобразным преступником, отвергающим логику лесных порядков, в то время как его антагонист Елисеевич, напротив, понимает подлинные потребности своих соплеменников. Глядя на тварный (в том числе, творимый им же) мир, Лазарь убеждается, что «...все помыслы и стремления его постояльцев ограничены узкою рамкою личной нужды и домашних забот» (№ 4, с. 24). В то же время создаваемая им *рамка гражданственности* оказывается лишь «гнилой изгородью, сколоченной теми же старыми ржавыми гвоздями» (№ 4, с. 24).

Наконец, социальный проект терпит крах: все звери начинают поклоняться олицетворенному символу животного первобытного страха – тотему Великой мухи, после чего в обществе разгорается восстание, демократия терпит поражение и уступает олигократии (Елисеевичу и его приспешникам), а Лазарь и его товарищ Богдан покидают граждан леса. Избирая тотем Великой мухи, лесные жители окончательно теряют свою гражданственность, предстывая в своем естественном виде и в то же время показывая, что человеку, кем бы он ни был, здесь нет места (ни для жизни, ни тем более для воскресения).

Полемическая заостренность последнего вывода во многом подтверждается избранным именем главного героя. Знаменательно, что Ахшарумов в своем тексте, где практически нет имен собственных (два героя – Лазарь и Богдан, и две говорящие собаки – Варнак и Якут), выбирает именно это имя, присваивая герою культурологически маркированный этимон.

Действительно, в русской литературе имя *Лазарь* нельзя назвать частотным (исключение, пожалуй, составляет Лазарь Подхалюзин, однако такого рода совпадение представляется скорее случайным), и, как правило, упоминание этого библейского имени актуализировало метафорический уровень сюжета, позволяя

---

⁵ Знаменательно, что именно в таком ключе Николай Ахшарумов интерпретирует Б. Ауэрбаха: «...автор имел намерение изобразить нам <...> идею высшей цивилизации, утратившей чистоту народного духа и осужденной на смерть, если она не покается и не вернется к первобытному, неиспорченному источнику, который один может омыть ее грехи и вдохнуть в нее свежую силу <...> В цивилизации этой все ложь и притворство <...> В сердце своем они дикари, они стремятся к дикой свободе права естественного, а в отношении к обществу – воры» (Ахшарумов Н. На высоте // ВТ. 1868. № 5. С. 108–109).

⁶ Далее ссылки на роман Н. Ахшарумова «Граждане леса» даются в круглых скобках с указанием номера журнала и страниц.

привести некоторую ситуацию к универсальной, притчевой⁷. Следует отметить, что в русской литературе нового времени имя Лазаря вызывало устойчивые ассоциации с двумя притчами: притче о Лазаре-бедном (Лк. 16: 19–31) и притче о Лазаре из Вифании (Иоан. 11: 1, 2, 5), к которой, в частности, неоднократно обращался Достоевский. Возникающая при наложении этих сюжетов двойственность, доходящая порою до амбивалентности и простого смешения, показана Салтыковым-Щедриным: «Выходит из института невинная девица, внучка и дочь семейства, и поселяется у родных. Она уважает дедушку, боготворит бабушку, целует ручки у папеньки и маменьки, беседует и спорит по вечерам с приходским батюшкой насчет того, действительно ли существовали на свете Лазарь богатый и Лазарь бедный, или это только так, притча? Одним словом, родные не налюбуются милым ребенком и все в один голос кричат: что за милое, что за невинное создание!»⁸. Очевидным образом, в русской литературе (в том числе и в публицистике) актуализируются оба этих сюжета, более того, в художественном сознании они зачастую оказывались взаимодополняющими.

История героя рассказана в романе через многочисленные фигуры умолчания: «С ним были деньги и кое-какая одежда, но кто он и каким образом очутился в лесу, об этом особого разговора не было. Его звали Лазарем. Он был от природы крепко сложен и здоров, но бледен и истомлен с лица. Он был не стар, но ранняя седина пробивалась у него в волосах, и на лице лежали следы страданий. <...> Сумрачный, молчаливый – он редко участвовал в разговорах, – однако ж легко было угадать, что не гордость удерживала его. Он был кроток и прост, как дитя» (№ 4, с. 4–5); «усталость желания и надежды, утомление оскорбленного сердца, чувство чего-то надорванного и сломанного внутри⁹, которое убивало всякую веру в возможность счастья, в способность ужиться с людьми» (№ 4, с. 15). Контраст суровости и кротости, простоты является образующим в организации этого характера. На протяжении всего текста Ахшарумов, отступая от приема двойничества (хорошо усвоенного им по ранним произведениям Достоевского [Володина, 2016; Козлов, 2017]), демонстрирует своеобразное оборотничество в поведении Лазаря: «Выполз Лазарь, как сурок из своей зимней норки, встал, как мертвец из могилы – худой, бледный, волосы ниже плеч, борода по пояс, – вышел на солнце...» (№ 4, с. 20)¹⁰. Совмещение анималистического (как сурок) с танатологическим определяет амбивалентность данного характера.

Следуя во многом новозаветным максимам (*будьте как дети*), Лазарь в то же время вынужден жить по Ветхому Завету (*око за око, зуб за зуб*). Фактически герой Ахшарумова проходит обратный Раскольникову путь – от веры в гармонию и совершенство природы (или человечности) к трагическому осознанию своего одиночества, отторженности от мира. Кроме того, несмотря на память имени, че-

⁷ В том же журнале обретается серия статей «Русская песня» Н. И. Соловьева. Один из параграфов статьи посвящен «Убожеству стихов о Лазаре». Речь идет о народных переложениях библейских легенд и песенной культуре России XIX века (ВТ. 1867. № 9).

⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Сенечкин яд // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 9. С. 302.

⁹ Ср. у Герцена: «Круг этот составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, *болезненные* и *поломанные*. В их числе не было ни кричащих бездарностей, ни пишущих безграмотностей, – это явления совсем другого времени, но в них было что-то *испорчено, повреждено*» (Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 108).

¹⁰ Ср. у Лермонтова: «оледенелый язык его не повиновался; он тихо приподнялся на ноги, как воскресший Лазарь из гроба, – и вылез из сусека...» (Лермонтов М. Ю. Вадим // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 376).

рез фигуру Лазаря в сюжете романа реализуются три основные функции, отчетливо коррелирующие с мифологемами Ветхого Завета.

1. *Лазарь-Адам*. Герой Ахшарумова не только учится животному языку, но и дает животному миру имена – в частности, знакомит лесных зверей с понятиями человеческого общества. Особую роль в реализации этой функции играет слово и его созидательная сила. Лазарь предстает как создатель, человек, равный или уподобленный творцу на земле.

Пестрые, фантастические изгибы патриархальных наречий животного царства один за одним становились ему ясны. Начал он понимать, что ворон каркает, и о чем филин стонет, и всякую птицу, и всякого зверя, о чем они речь меж собою ведут, всё это делалось ему день ото дня понятнее¹¹ (№ 4, с. 11).

Изучив животный язык, Лазарь буквально становится царем всех зверей, лично участвующим в жизни каждой пришедшей к нему особи. Реализация этой функции во многом связана с мотивами утраты и изгнания – в тексте неоднократно говорится о мире, который Лазарь оставил / вынужден был оставить. Метафора потерянного рая, в который герой не может / не хочет вернуться, поддерживает данную корреляцию, в то время как способ нового мироустройства отсылает к мифологеме Нового Иерусалима, соединяющего утопию и социальную практику.

2. *Лазарь-Ной*. Герой Ахшарумова собирает в своей избе зверей со всего леса, а когда в ней не остается места, огораживает территорию, в которую могут быть вхожи только граждане, принявшие законы нового общества. Отчетливую параллель с Книгой Бытия можно увидеть в данном фрагменте:

И, действительно, Лазарь расслышал вдали смутный гул, как будто от тысячи голосов и шагов, стремящихся прямо к нему навстречу. У него сердце забилось, дух захватило... Перед ним был авангард движения. Штук сорок уток, быстро махая крыльями, пронеслись низом над самою его головою, и, заметив его, сейчас повернули назад. За ними длинными вереницами неслись долгоногие журавли, толстые гуси, орлы, ястреба, коршуны, соколы, тетерева, бекасы, глушни, турухтаны и рябчики, стада куропаток, стаи ворон, грачей, галок и мелкая птица тучами... А между тем земля дрожала у него под ногами от топота... ближе и ближе, звучнее, звучнее... ветви деревьев раздвинулись, и вот сквозь зеленую листву, повалил пёстрый народ четвероногих... Олени и лоси рогатые, дикие козы, пушистые соболи и бобры, горностаи, куницы, хорьки, серые волки, пегие барсуки, кабаны, полосатые рыси с густыми желтыми бакенами и с беленькими султанчиками на остроконечных ушах, белки, кроты, хомяки, байбаки, землеройки, – всё это высыпало стадами и окружило Лазаря... Земли не видать было на сто шагов кругом, так густо столпились звери, а в воздухе стало темно и ветви дерев гнулись от множества птиц (№ 5, с. 95).

Воспроизводя традицию бестиария, Ахшарумов, перечисляя названия разных особей, тем самым демонстрирует многообразие форм органического мира. Герою постепенно осуществляется устройство общества в соответствии с Книгой Царств и мифологическим стремлением к Золотому веку. Тем не менее, осуществленная им сегрегация общества, отбор тех, кто может войти, в заповедную землю, отчетливо коррелирует с идеей нового спасительного порядка для избранных, исключая возможность осуществления демократической утопии.

---

¹¹ Здесь представлен парафраз пушкинского «Пророка» – особенно важного текста для Дмитрия и Николая Ахшарумовых.

3. *Лазарь-Моисей*. Пришедший к нему лесной народ Лазарь ведет за собой и, видя нарушение существующих порядков, дает гражданам закон.

К вечеру в новой общине провозглашен был публичный устав об убийстве, разбое и грабеже, и Лазарь вырезал его крупными буквами на дверях избы, что, впрочем, напрасно было, потому что никто из зверей читать не умел (№ 5, с. 102).

Данный эпизод является одним из образующих в сюжетной организации произведения, поскольку здесь утверждается роль закона, которому принявшие его веруют слепо, не зная грамоты, не владея ей. Фактически Лазарь-законотворец навязывает обществу исполнение правил, смысл которых доступен только людям. Последняя мифологема подкрепляется появлением Богдана – своеобразного Аарона, поддерживающего начинания Моисея – и в то же время разделяющего народные (животные) страхи и предания.

Следует отметить, что понимание между людьми и животными в романе держится исключительно на чувстве страха, что в большей мере коррелирует с ветхозаветным представлением о мироустройстве. В этом отношении появление Великой мухи – золотого тельца животного мира – кажется глубоко симптоматичным.

Итак, изначально данная мифологема обретает ряд апокрифических коннотаций. Через сюжетологию Ветхого Завета Ахшарумов не только соединяет в одном имени Лазарей из разных Евангелий, но и наделяет героя универсальным содержанием, делая его семантически многомерным. Из этого следует, что Лазарь Ахшарумова не только не тождественен Лазарю у Достоевского, но, в сущности, противоречит выработанной Достоевским ценностной системе [Казаков, 2012; Касаткина, 2015]. Вместо метафоры кающегося, обретающего веру и, наконец, воскресающего грешника Ахшарумов через Лазаря осмысляет социальное и онтологическое измерение человека как такового. Меняя таким образом антропологию сюжета, Ахшарумов наделяет его качественно иным идеологическим содержанием.

Предположительно, исходный замысел произведения формировался самостоятельно, независимо от Достоевского. Однако появление «Преступления и наказания» в печати могло повлиять и (очевидно, повлияло) на итоговый сюжет произведения. В этом ключе вероятным становится присвоение самого имени Лазаря, практически «монополизированное» романной прозой Достоевского.

Как говорилось выше, Ахшарумов подверг теорию Раскольникова последовательной критике, сосредоточив на ней большую часть своего разбора «Преступления и наказания». Кроме того, последний сон Раскольникова и его вера в Новый Иерусалим показали Ахшарумову продолжением ранее высказанных идей, деривацией исходных мизантропических взглядов героя. Будучи противником любых радикальных социальных преобразований, отстаивая свою позицию «внепартийного» беллетриста и исследователя, Ахшарумов не мог принять во многом утопического финала «Преступления и наказания». Возможно, разрешив эту задачу аналитически, критик далее подошел к ней эстетически, пытаясь найти исчерпывающий ответ в искусственной, моделируемой ситуации аллегорической антиутопии.

Действительно, с фактологической точки зрения, воскресение Раскольникова не детерминировано событиями и фабульной динамикой; оно иррационально. Это, в первую очередь, метафора, актуализирующая сюжеты притчи, основным мотивом которой становится осуществление чуда. В то же время в отличие от концовки «Мертвых душ» открытый финал «Преступления и наказания» не предполагал возможности «дописать» этот роман, наполнив его новой событий-

ностью, предполагая завершенность как на эстетическом, так и на этическом уровне. Вводя в сюжет своего романа ветхозаветные мотивы и лишая фигуру Лазаря притчевых коннотаций, буквально превращая символ в знак, а метафору в человека, Ахшарумов констатировал ложность логических и философских посылок Достоевского. Последний ход – смерть Лазаря, представляет своеобразный шах и мат социальным проектам в широкой перспективе – от фаланстера петрашевцев до почвенничества 60-х годов [Варзин, 2000]. Отчасти это объяснялось жизненным опытом: провиденциальное начало, найденное Достоевским в Омском остроге, было незнакомо и категорически чуждо Ахшарумову, стоящему в стороне от социальных поисков своего времени¹². Поэтому в конфликте *natura* и *ratio* в антиутопии Ахшарумова побеждает *natura* [Between Dream and Nature..., 1987]; вместо фейербаховского тезиса «Человек человеку бог» (*Homo homini deus est*) на первый план выходит проверенная временем сентенция, воплощающая логику развития цивилизации: «Человек человеку волк» (*Homo homini lupus est*).

В завершение зададимся вопросом о статусе «Граждан леса» как эстетического феномена. Сам роман, учитывая неопределенную адресацию (явление так называемой квазидетской литературы), многочисленные стилевые новации (которые в равной мере можно назвать огрехами и ляпсусами¹³), может быть отнесен к явлениям срединного поля русской литературы, ее беллетристики. Воплотив многие сюжетно-философские идеи утопистов XVIII–XIX веков и осмыслив их полемически, Ахшарумов своим текстом одновременно предвосхитил некоторые открытия антиутопии XX века. В историко-литературном плане данный текст можно рассматривать – не по прецедентности, но по прагматике письма – в соотношении с ключевой утопией XIX века – романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?», и как своеобразный пролегомен, предвосхищающий появление таких признанных шедевров русской литературы как роман «Подросток» (сон о Золотом веке) и «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского. Эти корреляции составляют сюжет отдельной статьи.

Список литературы

- Ахшарумов Н. Д. Граждане леса // Всемирный труд. 1867. № 4–6.
Варзин А. В. Понятие свободы и метафизические предпосылки утопизма: Шеллинг и Достоевский // Философский век. Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. Вып. 12: Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. С. 130–141.

---

¹² Только в одном Ахшарумов соглашается с Достоевским: для переустройства общества «нужно кое-что повыше скотского разума. Нужна любовь и нужно самопожертвование» (№ 6. С. 72).

¹³ В стилевом плане «Граждане леса», пожалуй, одно из самых слабых произведений Ахшарумова. Более того, обращение к дальнейшим переизданиям показывает минимальные правки: фактически текст существует в одной редакции. Единственный способ оправдания многочисленных речевых ошибок и грубых нарушений нормативного языка видится нам в нарратологическом подходе к произведению: учитывая, что большинство действующих лиц, согласно конвенциям повествования, – животные, можно предположить, что *эпос* о Лазаре является фольклорным текстом, не написанным, а рассказанным. Этот рассказ, исходя из конвенций текста, осуществлен не на литературном русском языке, а на имитирующем и искажающем этот язык наречии животных (таким повествователем мог быть пёс Якут, обученный Лазарем волк или поющие птицы, слагающие песнь о Лазаре в конце романа).

Володина Н. В., Сумарокова Л. А. Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 65–69.

Володина Н. В. Повесть Н. Ахшарумова «Двойник» в системе литературных связей // Череповецкие научные чтения. Череповец, 2016. С. 36–38.

Геллер Л., Нике М. Утопия в России / Пер. с фр. И. В. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1992. 228 с.

Егоров Б. Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб., 2007. 416 с.

Казаков А. А. Ценностная архитектура произведений Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 254 с.

Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 187–217.

Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.

Козлов А. Е. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 36–45.

Кучеренко Г. С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX века. М.: Наука, 1975. 158 с.

Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия. М., 1993. 350 с.

Русские утопии / Сост. В. Е. Багно. СПб.: Terra Fantastica, 1995. 351 с.

Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: Колл. монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта, 2014. 403 с.

Светлов Л. Б. Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. [Ф. И. Дмитриев-Мамонов, «Дворянин-философ»] // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. ст. М., 1956. Вып. 4. С. 394–412.

Between Dream and Nature: Essays on Utopia and Dystopia / Ed. by D. Baker-Smith, C. C. Barfoot. Amsterdam: Rodopi, 1987. 228 p.

A. E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University

**«AKSHARUMOV VARIATIONS» IN RUSSIAN LITERATURE:
LAZARUS, COME OUT**

The article continues investigation of «implicit communication» between motifs, plots and characters of Nikolay Aksharumov fiction and Russian classical literature of 2nd half of XIX century (see also: Kozlov A. E. «Aksharumov Variations» in Russian Literature: History of the War of 1812. *Suzhetologia and Suzhetografia*, 2017, no. 1).

The next case considers «implicit communication», combining philosophical plot of Dostoevsky' «Crime and Punishment» to the allegorical didactic novel Aksharumov's «The Citizens of Forest». Nikolay Aksharumov was member of aesthetic criticism of the second half of the XIX century. Beginning his career from epigones novel «Double», he continued to imitate Dostoevsky style, motifs and plots in his fiction. Moreover, he wrote his critic article about «Crime and Punishment» in new magazine «World Labour» (Vsemirny Trud).

So, there are few arguments, that «The Citizens of Forest» (that have been published in «World Labour» in 1867) are polemical connected with the novel of Dostoevsky, particularly, epilogue of his masterpiece. Firstly, Chronotope of «The Citizens of Forest» is Siberia (final place of action in the «Crime and Punishment»). Secondly, protagonist Lazarus is exile man (as Raskolnikov's final status). Moreover, Lazarus creates new world order in beast society – that's correlated with Raskolnikov's thoughts after his dream.

Most attention is concentrated on name of hero Lazarus as etymon. That's actualized 2 New Testament stories: 1. about poor Lazarus (Luke 16: 19–31); 2. about Resurrection of Lazarus from Bethany (John 11: 1, 2, 5), to which, in particular, Dostoevsky repeatedly addressed. Analyzing the functions of hero, we can stay that this figure in «The Citizens of Forest» realizes the semantic potential of the three patriarchs of the Old Testament. So, Lazarus creates a new language (like Adam), Lazarus gathers a group of beast (like Noah), Lazarus writes a Testament (like Moses) Thus, the maxims of the Old Testament act in the axiology of the novel. Instead of Feuerbach's thesis «Human to man is God» (Homo homini deus est), a time-proven maxim comes embodying the logic of the development of civilization: «Human to man wolf» (Homo homini lupus est).

The final of «The Citizens of Forest» represents a degradation of democratic society. The exile Lazarus, expelled from the big world, is expelled from the Forest. In our opinion, it's mean alternative social and ontological perspective in relation of Dostoevsky hero. That can be mean that all attempts to recreate society or create new world order have no sense. New Jerusalem is utopia, that is unattainable.

In addition to this case the article considers to ties and bonds between criticism and fiction of Nikolay Akhsharumov.

Keywords: Akhsharumov's variation plot and storyline, fiction, secondary and alternative, Russian literature of the XIX century, Dostoevsky.

References

- Akhsharumov N. D. Grazhdane lesa [Citizens of the forest]. *Vsemirnyy trud*, 1867, no. 4–6.
- Between Dream and Nature: Essays on Utopia and Dystopia* / Ed. by D. Baker-Smith, C. C. Barfoot. Amsterdam, Rodopi, 1987. 228 p.
- Darkevich V. P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: Parodiya v literature i iskusstve IX–XVI vv.* [Folk culture of the Middle Ages: Parody in Literature and Art of the IX–XVI centuries]. Moscow, 1992. 288 p.
- Egorov B. F. Rossiyskie utopii: istoricheskiy putevoditel' [Utopia in Russia: historical annual]. Saint Petersburg, 2007. 416 p.
- Geller L., Nike M. *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. Saint Petersburg, 2003. 312 p.
- Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [Sacred in Everyday: A two-part image in the works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, 2015. Pp. 187–217.
- Kazakov A. A. *Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy Dostoevskogo* [Axiology architectonics of Dostoevsky's texts]. Tomsk, 2012. 254 p.
- Kovtun E. N. *Poetika neobychnogo. Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa* [Poetics of the extraordinary. Artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth.]. Moscow, 1999. 308 p.
- Kozlov A. E. «Dvoynik» F. M. Dostoevskogo i «Dvoynik» N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvisticheskoy organizatsii vtorichnogo teksta [«The Double» of Dostoevsky and «The Double» of Akhsharumov: to the problem of stylistic organization of a secondary text]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2017, № 1. Pp. 36–45.
- Kucherenko G. S. *Sensimonizm v obshchestvennoy mysli XIX veka* [Sensitism in social thought of the XIX century]. Moscow, 1975. 158 p.
- Lanin B. A. *Russkaya literaturnaya antiutopiya* [Russian Dystopia in literature]. Moscow, 1993. 350 p.
- Russkie utopii* [Russian Utopias] (ed. V. E. Bagno). Saint Petersburg, 1995. 351 p.
- Russkiy projekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov* [Russian project for the correction of the world and artistic creativity of the XIX–XX centuries] (ed. N. V. Kovtun). Moscow, 2014. 403 p.
- Svetlov L. B. *Russkiy antiklerikal'nyy pamflet XVIII v.* [F. I. Dmitriev-Mamonov, «Dvoynik»]. *Voprosy istorii religii i ateizma*, Moscow, 1956. Iss. 4. Pp. 394–412.

Литературная жизнь сюжета

Varzin A. V. *Ponyatie svobody i metafizicheskie predposylki utopizma: Shelling i Dostoevskiy* [The concept of freedom and the metaphysical preconditions of utopism: Schelling and Dostoevsky]. *Filosofskiy vek. Al'manakh. Vyp. 12. Rossiyskaya utopiya: Ot ideal'nogo gosudarstva k sovershennomu obshchestvu* [Age of Philosophy]. Saint Petersburg, 2000. Pp. 130–141.

Volodina N. V. *Povest' N. Akhsharumova «Dvoynik» v sisteme literaturnykh svyazey* [The story of N. Akhsharumov "The Double" in the system of literary connections] // *Cherepovetskie nauchnye chteniya. Cherepovets*, 2016. Pp. 36–38.

Volodina N. V., Sumarokova L. A. N. D. Akhsharumov o romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Nikolay Akhsharumov about Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 4. Pp. 65–69.

Kozlov Aleksey E. – Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Investigation Literature, Chair of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, alexey-kozlof@rambler.ru)